

Горький и театр

Горький любил театр. В его увлекательных рассказах, которыми он охотно делился со слушателями и которыми он, по собственному выражению, был «облеплен, как старый большой корабль ракушками», часто фигурировали и провинциальные русские трагикомедии, и знаменитые итальянские певцы, и юный Художественный театр, и народный неаполитанский комик, последний представитель итальянской комедии масок, Скарпетта-отец, игравший постоянно один и тот же образ в одном и том же костюме и гриме.

На другой же день после моего приезда в Сорренто он повез меня смотреть спектакли Скарпетта-сына, пытавшегося далеко не с большим успехом продолжать дело своего отца. Небольшой досчатый соррентинский театр с расположенным под открытым небом залом был переполнен до отказа. Скарпетта играл несколько одноактных комедий, горячая южная толпа кипела и волновалась на галерке, обменивалась с актерами шутками и остротами, а Алексей Максимович хохотал и веселился вместе с ней, сильно и открыто отдаваясь театральному зрелищу, и с любопытством оглядывал восторженных зрителей.

Его трогала и восхищала подлинная народность театрального искусства. Театр был для него искусством массовым, потрясающим и радующим десятки тысяч зрителей, в театре воплощалось непосредственное общение художника и зрителя, а такое общение Горький глубоко ценил. Подобно Гоголю, Алексей Максимович считал театр кафедрой, с которой много добра можно сказать миру.

В беседах о Московском Художественном академическом театре он постоянно указывал, что МХАТ должен стать высшей школой театрального мастерства. Художественному театру, по его мнению, принадлежала роль своеобразной сценической академии, одним из основных назначений которой было бы неуклонное и безостановочное воспитание молодых актерских кадров, так нужных советской стране. Он относился к МХАТ страстно, горячо и для перестройки театра он в революционные годы сделал очень много — и своими пьесами, которые МХАТ сыграл за это время, и теми советами, которые он давал руководителям театра.

Горький великолепно понимал творческую силу и пропагандистское значение театрального искусства. Несколько раз пытался он организовать театр — в 1892 году он задумал странствующую труппу, в 1897 году — деревенский театр, в 1903—1904 гг. — «Народный театр» в Нижнем-Новгороде и в первые годы революции — «Большой драматический театр» в Ленинграде. Театр помогал ему точно и резко выразить волнующие его мысли и донести их до зрителя наиболее убедительно и выпукло. Потому-то Горький пользовался театром в той борьбе, которую вел за победу пролетариата, за торжество социализма.

Он не мог принять господствующей драматургии начала XX века. Он ломал принятые театральные формы — для него важнее, чем соблюдение раз и навсегда установленных драматических правил, были идея пьесы, стремительный ход жизни, живые человеческие образы. Вырываясь из его творческой фантазии, эти сильные и для того времени необычные образы наполняли страницы его пьес и подмостки театров.

В предреволюционные годы его часто упрекали за мнимую «несценичность» его пьес. За этими упреками скорее скрывалось опасливое нежелание ставить их на сцене. Они казались буржуа слишком беспокойными и тревожными, залы театров часто становились аренами политических

демонстраций в дни постановок горьковских произведений. «Дачники» и «Дети солнца» вызвали волну манифестаций в среде демократической интеллигенции, на премьере «Мещане» по распоряжению градоначальника городские были переодеты капельдинерами и следили за проверкой билетов и сохранением порядка.

Горький широко раздвинул рамки сцены. Он внес в театр социальный опыт, ранее чуждый театру, и наполнил его классовым пафосом. Он не любил на сцене тихих чувств и серых настроений. Размах его драматургии — размах больших чувств от восторженной трагедии до острейшей буффонады. Он не мирился с бесстрастным искусством, только кропотливо воспроизводящим жизнь. Он никогда не скрывал своего лица, лица художника и мыслителя, за той жизнью, которую показывал. Он освещал ее своим знанием и остротой своей мысли и выбирал из нее то, что должно было в полнокровных, скульптурно вылепленных образах раскрыть ее до конца. За переживаниями его героев, за их словами всегда чувствуется мощное кипение жизни и пафос борьбы, воодушевлявший Горького.

Горький любил театр монументальный, крупный, сильный — и всегда определенный, без недомолвок и нелоговариваний. Театр, направляющий мысль и чувство зрителя, показывающий жизнь как бы сквозь увеличительное стекло.

Какую бы среду ни изображал Горький — будь то купечество («Зыковы») или бюрократия («На дне»), техническая интеллигенция («Варвары»), капиталисты («Враги»), научная и художественная интеллигенция («Дети солнца») и, наконец, рабочие, которых он первый показал в театре во всей их силе и правде (Нил в «Мещанах», «Враги»), — он всегда видел яркое и выбирал самое типичное, чтобы привлечь к этому нужное ему внимание зрителя.

Горький не очень-то любил изображать на сцене глупцов. И во врагах он видел прежде всего сильных, озлобленных людей со своим мироощущением — упорно наступающих и защищающих свою власть. Он разоблачал их психологию со всей своей страстностью, — он вводил зрителя в существо их мыслей и переживаний, анатомизировал их.

Горький сознательно называл свои пьесы «спеннами». Всякий внешний эффект был ему глубоко чужд. Он не одобрял сценического трюкачества и брезгливо морщился, встречаясь со сценическими жонглерами. Он понимал самое существо театрального искусства. Его пропитанные классовым пафосом пьесы не только сценичны, они и театральны яркостью своих характеристик и внутренней драматической напряженностью. Они театральны, но Горький нашел это «театральное» не в старых театральных кланах, а во всей бурной жизни, смысл которой он умел не только разгадывать, но и мастерски показывать.

Он повернул развитие драматургии и указал пути нашим советским драматургам. В его образах актеры будут всегда находить для себя неисчерпаемую пищу. Его пьесы будут пробуждать веру в человечество и ненависть к врагам.

Когда сейчас 17 его пьес идут во всех театрах Советского Союза, когда действующие лица «Мещан», «На дне», «Бульчеза», «Достигаева» появляются на сцене, — то за их обликами вырастает интимно и дружески близкий всему передовому человечеству, живой, страстный Горький, которому так обязана наша культура, наш театр.

П. МАРКОВ.